

Библиотека Гумер - философия

На главную | Новые книги | Каталоги: Именной | Хронологический | Авторы | Рефераты | Форум | Ссылки | Связь | помощь сайту

Библиотека

всеобщая история
журналистика
история России
история древнего мира
культурология
литературоведение
наука
педагогика
политология
право и юриспруденция
психология
социология
философия
художественная литература
Школьная литература
экономика и менеджмент
юмор
языкознание

Теология

Конфессии

Другие проекты

Все книги автора: [Аркадьев М. \(5\)](#)

Аркадьев М. Введение в "фундаментальную структурно-историческую антропологию"

(эскиз к «Лингвистической катастрофе»)

Аркадьев Михаил Александрович, д. иск., философ, дирижер, пианист, теоретик музыки
Любезно прислано автором.

Видимая динамика, так сказать - "поверхностная структура" человеческой истории может быть понята как следствие некоей "глубинной структуры", то есть внутренней структуры человека. Эта структура является конфликтной, эта конфликтность охватывает все уровни человеческой реальности и является свойством специфически человеческим.

Уникальность человека заключается в том, что он является той точкой, через которую некогда в фундаментально-бессознательное единство мира вошло *речевое сознание*. Это вхождение произошло в экзистенциальной глубине человека, и это вхождение отнюдь не безобидно как для самого носителя сознания, так и, судя по всему, для мира. Человек - это та точка, в которой фундаментально Бессознательное Бытие претерпевает драму расщепленности.

Напряженное взаимодействие фундаментального Бессознательного (понимаемого здесь онтологически-экзистенциально, а не психологически, хотя и не исключая последнего понимания, скорее включая его). Итак, взаимодействие фундаментального Бессознательного (ФБ) в человеке и той человеческой способности, которые мы условно называем фундаментальным сознанием (в специальном, ниже конкретизируемом смысле) является чрезвычайно конфликтным и динамичным процессом.

Историчность человека выражает себя в развертывании указанного конфликта. Основной закон этого конфликтного развертывания можно приближенно определить как *рост (инфляция) горизонта фундаментального сознания в процессе его постоянного взаимодействия с фундаментальным Бессознательным*. Взаимодействие это осуществляется в экзистенциальных глубинах человеческого существа и осознается не полностью.

Человеческое фундаментальное сознание (ФС) в том специальном смысле, в котором употребляется здесь это понятие, обладает четырьмя функциями. Эти функции суть: *объективация, рефлексия (самореферентность), индивидуация, отчуждение*.

В принципе это почти тождественные понятия, каждое из них подчеркивает одну из сторон феномена ФС. Как видно, понятие сознания дается здесь в узком смысле, и не совпадает с обычным, широким его пониманием.

Именно сознание в узком смысле, описываемое этими четырьмя взаимозаменяемыми и взаимодополняющими функциями, входит в конфликтное взаимодействие с ФБ в человеке и через человека - в Бытии Универсума.

Результатом указанного взаимодействия является рождение исторического пути человека. ВСЯ человеческая проблематика на всех ее уровнях, от социального и коллективного до сугубо индивидуального и бытового, также есть следствие этого процесса.

Таким образом, элементарное и одновременно фундаментальное содержание экзистенциальной судьбы человека и его исторической судьбы есть неуклонная инфляция рефлексивной, объективирующей способности ФС в ее глубинном контакте с ФБ. Следствием этого контакта является перманентная *деформация, дегармонизация* фундаментально-бессознательных онтологических структур в человеке. Происходит их сущностное расщепление. Возникает *разрыв непрерывности* ФБ, образуется "субъект-объектная трещина", проходящая через сердце мира и человека. Рождается *антропологический парадокс*, заключающийся в том, что человек одновременно и является и не является элементом "Универсального Множества". Человек становится носителем *принципиального* онтологического *диссонанса*, который всегда ощущается (осознанно или, чаще, нет) как основной переживаемый факт его бытия.

В образовавшейся "субъект-объектной трещине" рождается человеческая История и Культура. Социальные структуры, миф, ритуал, исторические формы религии, искусства, философии и науки, все они, без исключения, являются *результатом* образовавшегося разрыва и одновременно *попыткой его преодоления, склеивания*.

Культура в данном случае предстает не как альтернатива Природе, но, напротив, сама выступает здесь как экзистенциальный клей, как

Реклама от Google

[За 80 ч. вокруг Эстонии](#)

Ответ на три легких вопроса И выиграй люкс-отдых в Эстонии!
www.VisitEstonia.com/Official_Site

[Узнай на сколько ты тупой](#)

или умный :) Пройди IQ тест. Сравни свой IQ с другими.
iq-level.ru

[Кто ты в прошлой жизни?](#)

Узнай кем ты был в прошлой жизни... И может это изменит твое будущее...
ty-kto.ru

[УФ обеззараживание](#)

Оборудование очистки воды, воздуха и поверхностей ультрафиолетом
npoent.ru

[Сколько Вам лет?](#)

Жизнь – не вечна. Пройдите тест и Узнайте Свой истинный возраст...
vash-vozrast.ru

 Web www.gumer.info
 Поиск в Google

Реклама от Google

[Ноутбуки для поездок.](#)

Лёгкие, вес до 2кг, работа батареи от 3 до 9 часов. Более 40 моделей
www.notik.ru

[Кто ты в прошлой жизни?](#)

Узнай кем ты был в прошлой жизни... И может это изменит твое будущее...
ty-kto.ru

[Узнай на сколько ты тупой](#)

или умный :) Пройди IQ тест. Сравни свой IQ с другими.
iq-level.ru

[Насколько Вы удачливы?](#)

Пройди тест и узнай свой жизненный потенциал!
biopotential.ru

[Сколько Вам лет?](#)

Жизнь – не вечна. Пройдите тест и Узнайте Свой истинный возраст...
vash-vozrast.ru

[Метод академика Бронникова](#)

Развитие прямого видения мозгом с закрытыми глазами.
www.bronnikov.ru - Москва

[Начни работать на форекс от 5\\$](#)

Бесплатный демо-счет. Низкий спред. Счета в рублях, гривнах, долларах.
adv.wforex.ru - Москва

[Продаете/ покупаете квартиру?](#)

Разместите объявление на одном из крупнейших порталов недвижимости.
www.gdeetotdom.ru - Москва

[Онлайн игра Carnage](#)

Онлайн игра Carnage. Бесплатная ролевая РПГ. Играй, зарабатывай!
www.carnage.ru

[Скачать игровые автоматы](#)

Впервые, в Рунет Grand Casino представляет скачать игровые автоматы
www.grand-casino.com

[Кроссовер Nissan Murano](#)

Официальный сайт Nissan Murano. Узнайте больше! Закажите брошюру!
www.nissan-murano.ru

Реклама на Бегуне

медиатор фундаментальной оппозиции ФС и ФБ, как . Вся человеческая история есть реакция на фундаментальный разрыв и одновременно поиск *гармонизирующего инструментария*, который, "цементируя", «склеивая» онтологическую "трещину", одновременно и тем самым *расширяет* ее. Этот процесс "расширения" и есть, собственно говоря, развертывание истории человека.

Вся историческая и экзистенциальная динамика разворачивается в рамках этого фундаментального антропологического конфликта и не может выйти за его пределы, пока человек остается тем, что он есть, - живым существом, наделенным ФС как способностью объективации (т.е. превращения чего бы то ни было в мысленный поименованный объект, что связано с речью, ее номинативной функцией и речевыми рефлексивными структурами (шифтерами, личными местоимениями и т.п.). Эта способность необратимо *отчуждает* ее носителя от того, неотъемлемой онтологической частью чего он все равно остается. Именно этот парадоксальный факт отчуждения от "целого" приводит к классической констатации абсурда человеческого существования.

В течение своей экзистенциальной истории человек всегда искал (в основном не осознавая этого) по крайней мере два экстремальных выхода из этого конфликта. Первый - это стремление *к возвращению* в первичное, т.е. дорефлексивное, досознательное, так сказать, "дочеловеческое" состояние. Для этого используется *наркотический инструментарий*, понимаемый во всех возможных его формах. Второй - стремление к выходу в сверхсознательную, сверхчеловеческую, трансцендентную сферу. Здесь вырабатывается инструментарий, который можно называть *трансцендирующим*.

В своих предельных формах эти два метода стремятся перейти один в другой. Между этими крайностями бьется человеческая экзистенция. Взятые именно как крайности, эти пути совпадают в том, что предполагают (в пределе) *самоустранение (самоубийство) человека* в его качестве существа, наделенного сознанием-рефлексией.

Можно с достаточной уверенностью предполагать, что в своих предельных формах эти пути не могут быть предметом выбора для человека, стремящегося остаться человеком и сохранить жизнь. В не экстремальных формах эти два вида онтологического инструментария служат необходимой человеку "ежедневной" "бытовой" *гармонизации* основного антропологического конфликта, и в этом смысле *неустранимы* из человеческого существования.

Из сказанного можно сделать следующий вывод: поиск человеком инструментария для гармонизации фундаментального онтологического конфликта, поиски клея для стягивания экзистенциальной трещины, является скрытым нервом истории. И один из самых серьезных уроков, который может извлечь человек заключается в том, что человеку нужно попытаться полностью осознать этот онтологический конфликт и его следствия. И в результате придти к пониманию того, что *человек и абсолютное* преодоление этого конфликта несовместимы.

Другой важный вывод из сказанного - все человеческое бытие насковзь *религиозно* независимо от того, сознает или хочет этого данный конкретный человек или нет. Человек и как вид и как индивидуум всегда находится в напряженном поиске утраченного блаженства. Он обречен на этот поиск, как и на крест своего сознательного бытия, которое является одновременно и его трагедией, и признаком его высочайшего достоинства. Здесь мы переходим к интерпретации некоторых моментов человеческой истории так, как они видятся в свете предложенного антропологического подхода. Нас будет интересовать: 1) специфика исторического движения человека к эпохе, которую вслед К.Ясперсом [*Jaspers K. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. München, 1958*] можно назвать Achsenzeit (Осевое время), и специфика сам этой эпохи с ее завершением в лице христианизации эллинистически-римского мира; 2) специфика Западноевропейской культуры, в связи с тем, что можно назвать "драмой средневековья"; 3) специфика современной всемирно-исторической ситуации в связи с тем, что ей предшествовало.

Повторим, что изложение будет максимально кратким, эскизным и гипотетичным. Здесь будет предложен ряд гипотез, касающихся структуры основных исторических культур и их взаимодействий. Речь пойдет о тех культурах, которые сыграли, с нашей точки зрения, определяющую роль в возникновении современной всемирно-исторической цивилизации.

Гипотезы, правомерность которых выносятся на обсуждение, следующие:

- 1) возможность культурно-исторического развертывания заключается в самом факте "антропологического феномена" - онтологического конфликта ФБ и ФС человеке. Глубинной причиной этого развертывания является инфляция рефлексивной способности ("субъект-объектного горизонта") от некоего условного минимума до некоего условного максимума;
- 2) инфляция (расширение, спонтанный рост) рефлексии в человеческой истории, которая связана с деформацией фундаментально-бессознательных структур, не идет строго линейно, а представляет собой *прерывный* процесс;
- 3) Инфляция объективирующей способности, а вместе с ней и динамизация историко-культурного процесса (с ростом его внутренней экзистенциальной конфликтности) связана с тем, что мы называем *стадиальными наложениями*. Речь идет о "скрещении" культур, находящихся на различных стадиях антропологического процесса. Можно назвать эти явления также *наложениями времени*. В эпоху такого наложения происходит *разрыв* "традиционной непрерывности" данной культуры, наблюдается скачок в динамике исторического развертывания. Как следствие, происходит дегармонизация, деформация традиционного культурно-религиозного инструментария, направленного на уравнивание и относительное снятие "принципиального диссонанса". Активизируются поиски нового инструментария параллельно с (обычно безуспешными) попытками восстановить старый. Вся историческая ткань

Стать партнером

Яндекс [Директ](#)

[Бесшовные натяжные потолки CLIPSO](#)

Вызов замерщика в любой день и время, договор, гарантия, сжатые сроки.
www.m-ctroy.ru · Москва

[Люстры и бра.](#)

Итальянские, австрийские, немецкие, польские, подробный интернет каталог
www.brilux.ru

[Ищете натяжной потолок?](#)

Натяжные потолки - широкий выбор, Франция, Германия. Замер бесплатно.
www.potolok-s.ru · Москва

[Пылесосы Karcher](#)

Традиционные, моющие и с аквафильтром. Доставка по Москве и области.
www.centrbt.ru · Москва

[Натяжные потолки. Франция, Россия](#)

Установка натяжных потолков S'etendo, Clipso. Подбор фасона и расцветки.
[Адрес и телефон](#) · www.oksva.ru · Москва

[Все объявления](#)

[Дать объявление](#)

[LitBN 100x100](#)

представляет собой множество таких разрывов и наложений, что определяет ее "тонкую структуру";

4) в качестве того, что определяет видимую "макроструктуру" исторического процесса, выступают несколько основных разрывов подобного рода, сыгравших принципиальную роль во всемирно-историческом процессе. Эти основные разрывы суть: а) возникновение Ветхозаветной традиции с ее кульминацией в христианстве; б) возникновение западноевропейской культуры в результате как экспансии Рима, так и Великого переселения народов, когда произошла "романизация" и христианизация варварских германских и кельтских народов; в) европеизация России как проявления западноевропейской экспансии.

Делается предположение, что рождение западноевропейской культуры, чья специфика связана с драмой средневековья, - это *центральная флуктуация всемирной истории*. Следствием этой флуктуации явилось рождение технологической цивилизации, отчуждение американской цивилизации и, наконец, евроамериканизация всего мира (как сейчас принято говорить - глобализация), что можно интерпретировать как планетарное выражение человеческой природы и "антропологического парадокса".

Мы исходим из предположения, что в мировой истории (доступной для "наблюдения" историка и философа) можно обнаружить две основные волны, которые во многом аналогичны по внутреннему смыслу и структуре. Соотносятся они как малая и большая волны. Обе они привели к более или менее схожим результатам, но вторая волна как-бы довела до некоего предела то, только начала первая. Самое общее их свойство - инициатива превращения истории отдельных культур в историю общемировую. В обоих случаях эта попытка осуществилась путем экспансии одной из этих культур. Первая волна завершилась образованием эллинистически-римской христианизированной "ойкумены".

Вторая - возникновением евроамериканской мировой цивилизации. Первая волна теснейшим образом связана с прохождением ансамбля средиземноморских и восточных культур через эпоху Осевого времени. Наша гипотеза заключается в том, что движение к Осевому времени было повторено и это привело к глобализации человеческой культуры. История в какой-то момент как-бы началась заново, вернее, началась ее вторая, более мощная волна.

Западноевропейская цивилизация прошла свой путь к тому моменту, который можно считать вторым Осевым временем мировой истории, так как секуляризация (десакрализация) европейского сознания, рождение протестантизма, новоевропейской науки и философии, возникновение технологической цивилизации (специфичной только для этой культуры) и, наконец, мощная ее экспансия в мировое пространство стали определяющими для судеб всего мира. К более подробному анализу западноевропейской "культурной экзистенции" мы еще должны будем вернуться.

Сейчас следует остановиться на проблеме смысла и структуры первого Осевого времени (здесь мы естественным образом ссылаемся на анализ Ясперса). Осевое время, по гипотезе Ясперса, явилось результатом развития нескольких относительно независимых культур (Древняя Греция Рим и Древний Египет, ближневосточная традиция, Иран, Индия, Китай). Оно характеризуется разрывом некогда единой "ткани" мифологического сознания, возникновением философской мысли и зарождением мировых религий.

Будем условно считать, что развитие внутри этих культур шло достаточно непрерывно (что на самом деле, конечно, не так, но нас здесь пока интересует макроструктура процесса). Тогда в начале "стрелы исторического времени" (его первой волны) будет фиксирован некий гипотетический момент вспышки ФС в недрах фундаментального Бессознательного. Собственно, это и есть появление человека как homo sapiens sapiens (это "рефлексивное" удвоение принято в современной антропологии и носит принципиальный характер).

Причем ФС, то есть речевое (языковое) сознание-объективация-рефлексия находилась в некоем субъект-объектном минимуме или была близка к нему. Но этого уровня было достаточно, чтобы объективирующая способность в человеке сразу вошла в активное и конфликтное взаимодействие с фундаментальным Бессознательным и, вследствие этого, начала неудержимо расти.

Неразлично близко к этой начальной точке лежит рождение *Мифа и магического* инструментария (ритуал, шаманизм) как первых известных нам результатов экзистенциального расщепления и одновременно средств гармонизации "принципиального диссонанса".

Благодаря ФС, то есть принадлежащим к языковым универсалиям шифтерным, автореферентным структурам типа личных местоимений, возникает оперирование *двоичными оппозициями* (бинарные мифологические структуры), которые являются основой человеческого мышления вообще (тернарные и другие структуры, вероятно, можно считать производными).

Леви-Стросс полагает, что *миф* есть фиксация бинарной оппозиции (что отражает, по его мнению, бессознательную структуру "рассудка") и попытку ее (оппозиции) преодоления путем введения персонажей-медиаторов, чья функция - ослабить напряженность оппозиции путем замены ее на более "слабую". Он же предположил, и я с этим согласен, что сильной, прямой реакцией на зафиксированный в мифе "раскол" является *ритуал*, который, используя миф как "сюжетную" основу, пытается вернуть человека в жизненную непрерывность, в дорефлективное, доречевое состояние, т.е. выполняет *наркотическую* функцию. Последнюю можно иногда интерпретировать и как трансцендирующую, если иметь в виду личность шамана.

Субъект-объектная двоичность (бинарность) *человеческого ФС* (то, что Леви-Стросс называет "рассудком") *является причиной переживаемой расщепленности экзистенции*.

Человек постоянно ощущает себя (неважно, осознает ли он это или нет)

погруженным в Двоичность. Если фундаментальное Бессознательное предстает как нечно Единое (Нечет), непрерывное, "Абсолютное", то все человеческое бытие оказывается двоичным, полярным, прерывным (Чет). С этой точки зрения антропологический феномен предстает как постоянное экзистенциальное напряжение между ФБ и бытием рефлексивно-двоичным. Человек одновременно и "абсолютно" един и принципиально расщеплен. Парадокс (или абсурд) человека - в этом факте со-бытия жизненной непрерывности и рефлексивной речевой дискретности, Единства и Двоичности. Преодоление, смягчение, медиация Двоичности - перманентный внутренний нерв человеческого существования.

Одна из тех основных оппозиций, с которыми постоянно имел дело человек на протяжении своей культурной истории, - это оппозиция (используя европейский философский язык) "мира трансцендентного" и "мира имманентного". Она предстает как противоположность "верхнего" и "нижнего" миров, мира "мертвых" и мира "живых", мира духов, богов и мира людей. Вечности и Времени, "космоса" и "истории", мира "сакрального" и "профанного" и т.д.

Здесь можно обнаружить следующую структуру: мир трансцендентный присутствует как во "временном" (горизонтальном), так и в пространственном (вертикальном) срезе. Постоянное переживание человеком потери фундаментального Единства (**фундаментальная ностальгия**) оформляется в мифологию "золотого века" ("потерянного рая"), общую практически всем мифологическим системам. "Блаженное" время мира всегда позади человека, т.е. пребывание в лоне Бессознательного Универсума, где не было противоположностей и не было "времени", то есть не было речи, утрачено.

По существу, об этом же идет речь в древних космогонических мифах. Космогония это шифровка появления антропологического парадокса, то есть рождения человека и как вида и как особи. Космогонии всегда описывают некое первичное нерасчлененное единство - первичный хаос, первичные воды (самые распространенные представления в архаических культурах) или Великий Предел (он же Беспредельное) у древних китайцев, асат-небытие в Древней Индии, тьма, бездна, вода в Ветхом завете и т.д. Все это можно интерпретировать как косвенное, метафорическое описание фундаментально-бессознательного "внутриутробного", доречевого состояния, когда сознание и речь еще не отделились в человеке от жизненного континуума.

Это состояние отнесено в абсолютное прошлое, в начало начал мифологического времени, когда времени еще как бы не было, а, значит, не было и космоса, который всегда обладает бинарной (т.е. рефлексивной, речевой, шифтерной) структурой. Затем в мифе фиксируется момент рождения или сотворения бинарного космоса, как начало мифологического времени. Это шифровка рождения шифтерной речи, ФС.

При этом оказывается, что трансценденция присутствует уже и в "вертикальном" срезе уже возникшего бинарного космоса. Если первичный хаос (или его заместители) противостоит бинарному космосу как нечно предшествующее ему, т.е. в горизонтальном "временном" диахронном срезе, то **внутри** этого космоса, в его пространстве (синхронии) "представителем" первичного единства (т.е. фундаментального Бессознательного) становится "иной" мир в его различных модификациях. Введенная Элиаде оппозиция "космос-история" может помочь пролить дополнительный свет на всю ситуацию. Переинтерпретируя Эллиаде можно сказать, что рождение "времени" и "истории" произошло в момент рождения речевого сознания (ФС).

Но, с другой стороны, рождение представлений о бинарном пространстве-космосе тоже есть следствие рождения ФС. Момент возникновения космоса - это и есть момент вспышки ФС в недрах ФБ. В данном случае сознание предстает скорее как *упорядочивающий*, а не деформирующий фактор. Так обнаруживается базовая и неустранимая *амбивалентность* сознания - оно одновременно и структурирующий "космогонический" и деструктивный ("исторический") характер. Но структурирующая функция более очевидна, противоположная, деструктивно-темпоральная осознается меньше, но переживается несравненно более сильно, как источник страданий человека.

Поэтому, очередной парадокс - с одной стороны, человек стремится сохранить уберечь "космос" от агрессии "хаоса", т.е. сознательное речевое бытие от прорывов ФБ, с другой - стремление сохранить "космос" связано с желанием уйти от "ужаса истории", от двойственности речи и времени в миф, вечные "архетипы", "эйдосы". Но время, история, необратимость порождаются **тем же самым** ФС, которое порождает представление о бинарном космосе, поэтому уход от времени есть одновременно попытка ухода от речи и сознания, в частности от их деструктивной (темпоральной) функции.

Попытка ухода осуществляется как бы в два приема. Сначала ФС (т.е. время и история) мифологизируется "останавливается" - относится во "время оно" то есть "космологизируется" Эту функцию ФС назовем **сознание-эйдос** . Но этого недостаточно, так как "деструктивная" темпоральная, шифтерная функция ФС (**сознание-хронос**) тем самым не устраняется, а лишь временно "купируется". Речь (простая бытовая речь с ее местоименными, дейктическими, или, как сказал бы Рассел "эгоцентрическими" структурами) возобновляется, "ужас истории" приходит опять. Следующий, более радикальный шаг связан с использованием космогонического, календарного, или более позднего эсхатологического ритуала и наркотического, "экстатического" инструментария, который пытается уничтожить в реальности, или в перспективе, и сознание-хронос, и сознание-эйдос и как бы пытается полностью "восстановить" первоначальное фундаментальное Бессознательное бытие, восстанавливает первичное "хаотическое" состояние Универсума и человека.

Этот момент всегда связан с переживанием экстаза, почти "райского" блаженства, в котором исчезают противоположности. Но затем из этого блаженного квазипервичного ритуального "хаоса" неизбежно сначала

рождается 'космос', что часто осознается как прямая цель ритуала, в то время как бессознательной его целью его скрытым мотивом, я полагаю, является именно возвращение в первичное добинарное, доструктурное хаотическое состояние. Пробуждается нормальная речь и сознание, а, следовательно, время, история и необратимость, а вместе с ними непредсказуемость и страдание и, естественно, очередные попытки устранить то и другое - таким образом все повторяется вновь.

Но крайне важно, что описанный цикл (прискорбный факт для человека с его фундаментальным ностальгическим вектором) не носит полностью обратимого характера. Несмотря на все усилия "остановить время", т.е., по существу, развертывание речи как рефлексивно-объективирующей способности, последняя все равно развивается, и чем изощреннее попытки остановить это развитие, тем неотвратимее оно происходит, так как для поддержания и совершенствования инструментария борьбы с рефлексией и речью нужна дополнительная рефлексивная и речевая работа. Эта *дополнительная работа ФС* и есть, собственно, **историчность** человека, и он на нее обречен самой природой речевой деятельности.

Если вернуться к космологической оппозиции трансцендентного и имманентного миров, то можно обнаружить следующую закономерность: по мере инфляции рефлексивной способности трансцендентность "иного" мира в культуре возрастает, постепенно и неуклонно "очищается". И это происходит до тех пор, пока иной мир не предстает как абсолютно "чистый", сверхбытийный, непознаваемый, как Великая пустота, как Абсолютное Единое, как, Небытие, Ничто.

Относительно трансцендентное становится трансцендентным абсолютно. Именно в этой точке рождаются высшие богословские и философские традиции, рождается апофатика. Важно также то, что рождение понятия Абсолютного Бытия и фиксирование его в культуре совпадают или близки к моменту того скачка в рефлексивной способности человека, когда сознание и речь делает предметом объективации само себя.

Этот скачок, т.е. рождение лингвистической и философской рефлексии и есть отличительная особенность Осевого времени. Здесь происходит рождение философской рациональности и, как Ответ на этот Вызов (если воспользоваться тойнбианской терминологией) v рождение мировых религий как религий Абсолюта и спасения. "Новая" рефлексия окончательно разрывает "непосредственную" связь человека с мифологическим космосом и архаическим инструментарием и необратимо выталкивает его в "историю". Человеческая экзистенция приближается к критической точке осознания себя как одинокой сущности, брошенной в море безразличного бытия, в море времени и зла, спасение от которого ищется перед лицом Единого. Таков в основном и был экзистенциальный итог "первой волны" всемирной истории. Это та близкая к "максимуму" точка "стрелы времени", которую мы здесь условно и гипотетически рассматриваем как линейное и непрерывное образование.

Я сделал попытку построить, вернее, очертить некоторые важные точки "стрелы исторического времени" как некоей абстракции развертывания антропологического конфликта. Эти точки суть: начало процесса (гипотетический момент вспышки речи и сознания (ФС) в ФБ, длительный мифологический "доосевой" этап, наконец, - Осевое время как некий "максимум" рефлексивно-объективирующей и отчуждающей способности, когда внутренняя конфликтность человеческого существования достигает почти предельного уровня напряжения. Затем следует период, который можно назвать "послеосевым". "Послеосевые" культуры - это те культуры, которые уже прошли "точку кипения" Осевого времени.

В этой картине важной является дополнительность горизонтального и вертикального "срезов". В диахронном плане мы имеем ту или иную картину последовательности стадий в развертывании рефлексивности, объектного горизонта, в синхронном плане - типологическую картину конфликтного взаимодействия ФБ и ФС. Другими словами, в любой момент истории мы обнаруживаем ту или иную, как в типологическом, так и в стадийном смысле, специфическую форму фундаментального конфликта.

Еще раз повторим основной "антропологический диагноз". В результате вхождения ФС "мир" потерял внутри и вне человека первоначальное "внутриутробное", доречевое бессознательное единство и жизненную непрерывность. Он расщепился, так как возникло неизбежное для языка, речи, сознания оперирование бинарными оппозициями. Мир предстал как, той или иной формы, *двоичная структура*. Двоичность (то есть оппозиционность речевой, языковой структуры) и попытки как ее медиации так и тотального преодоления пронизывают насквозь всю историю от традиционных архаических культур до современной цивилизации, от бытового уровня, до уровня великих церковных ритуалов, философских систем, или больших научных теорий «всего», типа Общей теории относительности, или Единой теории поля.

Космологически Универсум благодаря ФС распался на две половины мир "тот" и мир "этот", мир видимый и мир "невидимый", мир "вечный" и мир "временный" и т.д. Причем мир "иной" неуклонно развивался от почти полного аналога (но с другим знаком) миру видимому (архаика) до своего, так сказать, "нулевого" варианта ("осевой" и "послеосевой" этапы). Этот "нулевой" вариант - основа как монотеистического и апофатического (так как Абсолютность предстает как Ничто при попытке его корректного описания), так и "атеистического" воззрения которое в этом контексте не имеет ничего общего с тривиальным "безбожием" (Среди отцов церкви об этом говорил Максим Исповедник, среди современных мыслителей - Ясперс и Хайдеггер). Экзистенциальная сложность происходящего связана еще и с тем, что невозможно, как того хотелось бы, в том числе и Ницше, вернуться к потерянной целостности, просто "сложив" две распавшиеся "половинки", или игнорируя их наличие. Их сумма не равна фундаментальному Единству Универсума, которое всегда остается трансцендентным для речевого сознательного бытия. В истории человека **никогда не было** точки "до грехопадения", до расщепления, так как сама структура бытового языка и речи, то что делает человека человеком, дискретна, бинарана, шифтерна, автореферентна.

Если говорить о понятии "трансценденция", то она ощущается на поздних осевых и послеосевых стадиях культуры и как нечто абсолютно внешнее, внемирное, так и нечто абсолютно внутреннее, глубинно связанное с экзистенциальной сущностью человека, почему и возможен, вероятно, апофатический мистический опыт.

Подчеркнем, что и атеизм, (в отличие от несколько иначе устроенного зрелого агностицизма) как, судя по всему, необходимый момент осевой стадии (он был представлен и в древнегреческой, и в древнеиндийской традиции, например) можно интерпретировать как своеобразную парадоксальную форму все же религиозной, гармонизирующей, мифологизирующей реакции человека на свое бытие. Логическая возможность атеизма проста и связана с противоречивостью абсолютных понятий (например "актуальной бесконечности"), с апофатической диалектикой Ничто. Экзистенциальная возможность определяется весьма своеобразным «религиозным» инструментарием: исключением понятия трансценденции, Бога, Абсолюта из сознания, вытеснение их в бессознательное. Нежелание иметь дело с серьезным смыслом этих понятий связано, вероятно, с бегством от «сущностного ужаса», переживаемого человеком перед лицом Фундаментального бессознательного, то есть трансценденции. Это, несомненно, тоже один из способов онтологической гармонизации.

Перейдем теперь к более подробному анализу исторической «ткани», сотканной на двойственном станке Фундаментального бессознательного и сознания-рефлексии.

В ансамбле «осевых культур», образованном, как полагает Ясперс, в период от VIII до II века до Р.Х., в этом «стройном аккорде» можно обнаружить некий диссонанс, который заставляет нас критически взглянуть на созданную картину «стрелы времени» и задаться вопросом: так ли уж непрерывно и линейно развертывался исторический процесс? Этот явный диссонанс в аккорде «осевых культур» - **Ветхозаветная традиция**.

Необычность Ветхого Завета, как памятника религиозно-экзистенциальной и исторической судьбы определенной культуры, заключается в совершенно неожиданной переакцентировке и переосмыслении общекультурных архетипических мотивов. Необычен миф о грехопадении, в той форме, которая здесь представлена, необычна энергия, с которой проповедуется здесь «чистый» монотеизм, необычна идея Завета и конфликтные взаимоотношения между Богом и его народом, наконец, необычен пафос Книги. Все это сильно отличает ветхозаветную традицию от интерпретаций аналогичных представлений в других культурах Осевого времени.

В мифе о грехопадении, судя по всему, впервые в явном виде трагедия человека связывается с познанием бинарной оппозицией, а именно оппозиции Добра и Зла. То есть, по существу, с рождением человеческого сознания, возникновением человека таким, каким мы его знаем. Этот момент связывается с фактом отпадения человека от Бога. Таким образом, здесь дано отчетливое осознание человеком своей фундаментальной драмы (на что обратил внимание еще Гегель), причем эта драма становится основной всего ветхозаветного экзистенциального космоса, внутренней пружиной развертывания исторических коллизий древнего народа. Его история предстает как следствие потерянной богочеловеческой связи, и как постоянные попытки ее восстановления. Основной формой этой связи становится собственно Завет, то есть религиозно-ритуальный **договор** с Богом, основанный на принципе взаимности.

Другой характерной чертой Ветхого завета является факт постоянного напряженного конфликта между избранным народом и его Богом. Народ склонен к отпадению и забвению своего Бога, за что подвергается тяжелейшим, часто кровавым карам. Эта конфликтность, доходящая часто почти до взаимной ненависти, делает уникальным характер ветхозаветной традиции.

Кроме того, по существу впервые, миф перестает быть строго циклическим образованием, леви-стросссовской «машиной для уничтожения времени», а становится историческим по существу. Разворачивается линейная временная перспектива. Это происходит в результате инверсии в структуре времени. «Золотой век» («потерянный рай») оказывается не только в некоем абсолютном прошлом, но становится фактом абсолютного будущего. История обретает цель, религиозно и экзистенциально значимую.

Фундаментальная ностальгия обретает форму фундаментальной надежды. У пророков становится очевидной неудовлетворенность формой Завета – возникает потребность в более глубоком и внутреннем типе связи. Бог требует любви, а не внешней законопослушности. Возникает пророчества о Мессии, Сыне Божьем и Сыне Человеческом одновременно, в котором, наконец, воссоединятся распавшиеся и расщепленные сущности. По существу, уже начинает рождаться идея Богочеловека. Таким образом, возникновение христианства в недрах Ветхого завета более чем закономерно. Христос оказывается той уникальной онтологической точкой, где экзистенциально и логически завершается снимается диалектика Книги. Христос – «второй Адам» в интерпретации Отцов церкви, и провозвестник Царствия Божьего («дня Яхве») как завершения стрелы исторического и космического времени. Но почему же в таком случае христианство было отторгнуто и не принято сознанием, которое его и породило? На этот вопрос можно пытаться ответить только тогда, когда удастся прояснить проблему уникальности ветхозаветной культуры среди других «осевых культур».

Как мне кажется, исключительная конфликтность напряженность древнееврейской культуры, драма ветхозаветного сознания может свидетельствовать о **разрыве**, произошедшем в ткани исторической и культурной жизни древнепалестинских народов. Произошло «стадиальное наложение культур», или, по другому, «наложение времен».

Монотеистическая идея – это идея явно «осевого» характера. Но народ израильский несомненно является носителем мощного языческого «доосевого» сознания. Здесь впервые становится отчетливо различным факт наложения «осевого» времени на время «доосевого», грубо говоря, наложение конца стрелы исторического времени (условного конца, конечно)

на ее начало, в результате чего и произошел упомянутый разрыв относительной непрерывности «доосевого» культурного процесса. В Книге происходит постоянная и смертельная война между «чистым» монотеизмом и упорным язычеством. Эта драматическая борьба происходит в глубинах экзистенции ветхозаветного человека. Эта борьба, где ареной служит душа человека, проявляет себя и в исторических катаклизмах древнееврейского народа. Его историческая судьба становится прообразом разрывных процессов человеческой истории, процессов, которые приведут, в конце концов, к возникновению всемирной евроамериканской цивилизации. Попытка описать «механизм» этого наложения приводит к двум противоположным, но, может быть, дополнительным друг другу гипотезам.

А. Контакт язычества и монотеизма связан с контактом палестинских племен с культурой Древнего Египта. Египет уже в XV-XIV вв. до Р.Х. подошел к «осевой» идее единого Бога. Речь идет о попытке религиозного переворота Аменхотепа IV – Эхнатона (XVIII династии). Культ Атона-Солнца носил, судя по всему, весьма радикальный характер, вплоть до запрещения изображать самого Атона (не говоря уже о других богах), так как «истинный Бог не имеет формы». Атон почитался также как творец всего сущего. Таким образом, Египет стал генератором монотеистической идеи. Так было брошено зерно в «девственную» почву языческой культуры палестинских племен. Это подтверждается, в частности, сходством имен: Атон – Адон – Адонаи (в этом же ряду – Адонис), или предположением о влиянии большого гимна Эхнатона Солнцу на создание 104-го (103-го) псалма.

Египет не принял рожденную им самим идею. Сработал механизм отторжения нового в рамках традиционной культуры, хотя сама внутренняя динамика неуклонного разворачивания рефлексивного горизонта привела к рождению «осевой» по характеру идеи.

В противоположность этому, для палестинских народов оказалось возможным своеобразное «восприятие» этой идеи именно потому, что она была «внешней», и не была заблокирована внутренними механизмами традиции (вследствие отсутствия, вероятно, жестких ритуализирующих институтов подобных египетским). Идея была активно воспринята на сознательном уровне, но на уровне бессознательном, экзистенциальном, это привело к глубоким конфликтам. Гипотезу подтверждают датировки древнейших книг Ветхого завета (ок. XIII в. до Р.Х.), «египетское» происхождение Моисея, египетское пленение.

Предложенная гипотеза была, так сказать, «внешнего» типа. Возможна «внутренняя» гипотеза.

Б. Некая религиозная и интеллектуальная элита богоизбранного народа генерировала монотеистическую идею, и она вошла во внутренний конфликт с «доосевым» сознанием большинства.

Эта гипотеза интересна тем, что позволяет подойти к более тонкому пониманию внутренней временной структуры культурной традиции. Культура как целое (в синхронии) перестает быть точкой на стреле времени,двигающейся к осевой эпохе. Культура, взятая в синхроническом срезе, сама по себе оказывается неодновременным образованием, она как бы «размазана» по временной стреле. Это связано с тем, что разные слои культуры, разные ее представители могут находиться на различных, часто весьма удаленных друг от друга стадиях разворачивания рефлексии, чем и определяется их «неодновременность». Здесь возникает образ временной пирамиды, где вершиной является некий максимальный для данной культуры уровень рефлексии, а основанием – минимальный. Пирамида может менять свою «конфигурацию» в зависимости от процессов внутрикультурных или процессов контакта с другими культурами.

Мне представляется, что эти гипотезы носят дополнительный друг другу характер. Не исключено, что духовная жреческая элита древнееврейского народа одновременно и породила и заимствовала идею единобожия. Так или иначе, произошло «наложение времен», повлекшее за собой разрыв внутри языческой традиции. Идея была рождена и брошена на почву, которая именно в силу своей относительной «нетронутости» дала обильные всходы. Более «примитивное» и менее институализированное сознание древнееврейского народа с исключительной экспрессией восприняло реальность, стадильно удаленную от него на столетия. Восприятие единобожия сделало крайне конфликтным существование культуры в целом, так как дегармонизировало, деструктурировало ее традиционный культурный инструментарий, что привело к трагически безуспешным попыткам его восстановления. Отсюда постоянная драма «соскальзывания» к языческим представлениям и ритуалам, за что следовали бесконечные кары и пророческие инвективы, сопровождавшиеся всплесками массовых эсхатологических переживаний.

В контексте «внешней» гипотезы можно понять и механизм отторжения иудео-христианства от иудаизма. По той же причине, по которой христианская религиозная идея возникла, она и была отторгнута. Иудаистское сознание в чрезвычайно большой степени определялось эсхатологическим **ожиданием**. Сложилась стойкая, сохраняющаяся многовековая традиция ожидания Мессии и Дня Яхве, провозглашенных пророками. Но когда результат этого ожидания (идея богочеловечества и мессианства Иисуса Христа) оформился в конкретную религиозную реальность, как бы *снимающую* процесс ожидания, она была отвергнута, так как сама традиция оказалась мощнее и существеннее ее результата.

Итак, мы обнаружили, что, по крайней мере в одной из древних культур, по всей видимости, произошло *стадийное наложение*. Важно, что это было именно наложение «осевого» сознания на «доосевое». В результате «сильного» временного наложения произошла исключительная экзистенциальная и историческая динамизация древнееврейской культуры, что выразилось, в частности, в возникновении уникальных идей и образов, повлиявших на все дальнейшее развитие человечества.

С этой точки зрения крайне важен контакт эллинистически-римской цивилизации с ветхозаветной традицией и христианством. Этот контакт привел к образованию христианизированной Римской империи. С определенными оговорками можно считать, что на этом первая волна

всемирной истории подошла к концу. Все "осевые" культуры средиземноморского региона (и частично восточные культуры) образовали некий относительный синтез и подошли к тому пределу, когда рефлексия и экзистенциальная конфликтность достигли апогея, а инструментарий онтологической гармонизации (мировые религии) по своей мощи был достоин этого уровня напряжения.

То, что произошло далее, определило облик всей последующей истории человечества. Падение Римской империи под ударами варварских германских племен привело к *центральному разрыву* в ткани мировой истории.

Этот разрыв - следствие стадияльного наложения, в результате которого предосевое родовое сознание германцев получило в наследство весь самый сложный комплекс стареющей позднеантичной христианизированной культуры. Племена, жившие или осевшие в результате Великого переселения народов на территории громадной империи, должны были пройти собственный путь к Осевому времени. Но, разрушив и одновременно неизбежно унаследовав древнейшую культуру, они себя, не ведая того, распяли на кресте чужой мудрости, которая и типологически и стадияльно была удалена от них.

В результате мощного взаимодействия, постепенной диффузии (начатой еще в эпоху основных римских завоеваний) энергичной молодой предосевой культуры германцев, кельтов, галлов (с ее родовым и архаичным мифологическим сознанием), и как духовно-религиозных, так и социальных форм послеосевой, сильно рефлексированной и "урбанизированной" эллинистически-римской христианизированной культуры, образовалось нечто совершенно новое - возник *феномен западноевропейского средневековья*.

Тысячелетие средневековья можно уподобить алхимической колбе, в которой "варилось" два сильнейших "реактива". В результате "сварилась" новая европейская культура, сверхдинамизм которой изменил весь мир. Все особенности европейского человечества нового и новейшего времени есть следствие экзистенциальной драмы средневековья. Последняя определяется "шоком", который получило варварское "коллективное бессознательное" (то есть вся культурная экзистенция) в результате христианизации и "романизации", а также процессом интенсивной варваризации христианской церковной культуры.

Проследить "алхимические превращения" западноевропейской культуры можно на нескольких небольших примерах.

Обратим внимание на такое характернейшее (и вызывающее пристальный интерес современных медиевистов) явление, как "охота на ведьм". Она разразилась на самом взлете Ренессанса. 1487 год (уже написаны "Венера" Боттичелли и "Мадонна Литта" Леонардо) - издается "Молот против ведьм" Инститора и Шпренгера. Церковные институты и церковная мысль руководят охотой на протяжении всей "эпохи взлета культуры и гуманизма". По свидетельству А.Я. Гуревича, провозвестник "единой религии" и гуманист Жан Бодэн, чьим именем названо бельгийское общество по изучению юридических и политических институтов, был автором трактата "Демонизация ведьм", в котором утверждалась необходимость войны с колдовством с помощью костров, пыток и доносов. Трактат появился в 1580 г.

Отношение же католической христианской церкви к этой проблеме в эпоху раннего и зрелого средневековья было иным. Сама вера в колдовство и ведьм оценивалась как *языческий* пережиток и суеверие. Покаянная эпитимья накладывалась на тех, кто поддавался под влияние этого суеверия. В XII в. Иоанн Солсберийский называл веру в ведьм "достойной презрения глупостью" и "баснями".

Только начиная с XIII в. началось постепенное проникновение веры в колдовство и шабаш в церковное сознание, но до организованной "охоты" было еще далеко. Перелом произошел в конце XV в., с этого времени начинают преследовать не только ведьм (вера в которых ранее оценивалась как "народная глупость"), но и тех, кто *не верил* в их существование. Две культуры, противостояние которых было очевидно в средневековье, диффундировали. Уже нет "язычества" и "христианства", а есть оязыченное, варваризованное христианство и христианизированное язычество.

Эти два встречных процесса (варваризация христианства и христианизация варварства) привели к феномену Реформации. Реформация - такой же продукт "варваризации" христианства, как и современная ей католическая церковь, хотя субъективно именно борьба с варваризацией была одной из причин реформационного движения. Протестантизм я считаю *новой*, сугубо новоевропейской "мировой религией", и в самых разнообразных его формах был подлинно "массовой", "народной" религией, в которой уже почти невозможно различить противостояние двух культур - высоколобой письменной и культуры "немотствующего большинства". И, естественно, протестанты с не меньшей энергией занялись "охотой". Костры горели и в XVII, и XVIII в.

Рождение уже "цельной" культуры как результата длившейся тысячелетие диффузии в принципе совпадает с собственным "осевым временем" тех варварских (в основном германских) народов, которые когда-то начали новый виток истории. Таким образом, эпоха Ренессанса становится вторым Осевым временем мировой истории. Именно с этого момента начинается неуклонная экспансия "кипящей" западноевропейской культуры на все мировое пространство.

Процесс средневековой диффузии культур станет понятнее, если учесть, что практически вся территория Западной Европы была покрыта сетью церковных приходов. Каждый человек, принадлежащий к архаической родовой, в основном аграрной, общности, обладающий и своей картиной мира, и своей этикой, и своим онтологическим гармонизирующим инструментарием, должен был регулярно подвергать себя на исповеди подробному *самоанализу* и *рефлексии*, причем с позиции

стадиально и типологически удаленной от него культуры. Все представления, связанные с укорененностью человека в природе, в роде, оценивались высоко рефлексированным христианским сознанием как принципиально греховные и дьявольские. Борьба, носившая сугубо экзистенциальный характер, происходила в душе каждого человека на протяжении многих поколений. Душа средневекового человека, сама того не ведая, страдала от крестной муки, этой постоянно натянутой в ее глубине пружины.

В конце концов, эта пружина сорвалась - родилась культура, обладающая исключительной "пассионарностью". Европейский человек обнаружил, что он "свободен" от природы. Впервые в истории отчуждение и объективация зашли так далеко, что сознание смогло посмотреть на мир как на "чистый" объект, а на себя как на "чистый" субъект. Мир предстал как арена сначала мысленного, а затем реального экспериментирования и поле для реализации теоретических замыслов. Были отброшены все бессознательные "экологические табу", свойственные архаическим культурам. Рождалась теоретическая и экспериментальная наука и вслед за ней технологическая цивилизация нового и новейшего времени.

В этом контексте интересен факт, на который обратил внимание Марио Льюци в "Истории физики". Он утверждает, что греки обладали достаточными знаниями, чтобы создать индустрию, машины и превосходить XVIII век. Почему этого не произошло?

Кажется вполне правдоподобным предположение, что произойти это могло только в той культуре, в которой были окончательно оставлены архаические механизмы экологической саморегуляции. Такой культурой оказалась западноевропейская цивилизация, прошедшая тяжелейший искус варварско-христианского средневековья. Памятником этого противостояния хтонического варварского и спиритуального христианского сознания является европейская готика. Мистическая архитектура и варварский орнамент составляют ее сущность. Более поздним и более трагическим воплощением этого конфликта явилась живопись Босха, где христианский и языческий карнавал ("адский") космосы даются в напряженной и парадоксальной синхронии.

Результатом "сорвавшейся пружины" была и невиданная пространственная экспансия, которая привела к открытию Нового света и началу американской цивилизации.

В дополнение к разговору о специфике средневековья следует обратить внимание и на тот факт, что социальные исследования пришли к выводу о сложном генезисе раннего феодализма в Западной Европе (А.Я. Гуревич и др.). Последний представляет собой весьма своеобразную социальную систему, в которой родовые структуры германцев были переплетены с поздне-античными социальными формами. Диффузия этих структур, а, следовательно, сам европейский феодализм - уникален. Другими словами, феодализм и неизбежно следующий за ним капитализм могли возникнуть только в результате описанного разрыва - стадиального культурного наложения, а не возникли плавно и эволюционно из предшествующей формации.

Таким в общих чертах видится драматический генезис западноевропейской "фаустовской" культуры. Кажется несомненным, что напряженность экзистенциального мира средневековья определила весь исключительный, глобальный драматизм истории человечества последующих веков.

Взрывообразный динамизм евро-американской экспансии, все развитие современной технологической цивилизации с ее глобальными приобретениями в открытость и информационностью, но и с ее глобальными проблемами - экологической, ядерной и террористической угрозами - объясняются только тем, что когда-то варвар-германец, осев на завоеванных землях или просто попав в ареал Римской христианизированной империи, унаследовал от стареющей "послеосевой" культуры ее великие духовные, юридические и социальные достижения. Все последовавшее за этим, может быть по аналогии, объяснено адлеровскими механизмами "компенсации" и "сверхкомпенсации" как неизбежной реакции на разорванность экзистенции средневекового человечества.

Нам осталось очень кратко и схематично рассмотреть еще две проблемы, связанные с судьбой российской культурной экзистенции. Здесь также имеет место ряд разрывов в результате стадиального наложения.

Христианизация славянских народов - типологически сходный с западно-европейским процесс. Так называемое русское «двоеверие» - нечто, что возможно, в состоянии пролить хоть какой-то свет на так называемые «темные века» раннего европейского средневековья (VI - VIII вв.).

Специфика христианской русской культуры связана с тем, что диффузия язычества и христианства не зашла так далеко, как Западной Европе, может быть вследствие гораздо меньших притязаний православной церкви на независимую политическую власть, и ее почти абсолютную подчиненность власти князей и царей. Из-за этого русское Православие оставалось неким достаточно статичным элементом русской культуры. Правда, Раскол XVII в. свидетельствует о весьма непростых процессах внутри церкви. Он выявил, в частности, серьезный элемент родовой архаики, накопившейся к царствованию Алексея Михайловича. Аргументы, связанные с сохранением «веры отцов», по существу - архаические, «доосевые» аргументы. Закономерно, что после раскола, старообрядчество заметно мифологизировалось, и, в определенном смысле, «оязычилось».

Но старообрядчество, будучи отдаленным аналогом европейского протестантизма, не привело к потере Православием своего места в русской истории. Последнее старалось всегда сохранить тесную связь с византийской традицией. Отсутствие в церкви притязания на исключительную политическую власть, в отличие от западного католичества, может быть и некоторые «национальные» особенности славянства определили гораздо меньшую степень слияния язычества и христианства на Руси. Диффузия была минимальна, и противостояние двух стадиально удаленных культур всегда было различимо. Православие,

благодаря этому, сохранилась в его византизированных формах. Но эти же причины определили возможность резкого разрыва с ним в XX веке. Христианизация славянского язычества была превым крупным стадиальным наложением в русской истории. Типологическое сходство с западно-европейским процессом, несмотря на все особенности, сохраняется. Возможно, что пресловутое «отставание» от Запада связано с тем, что христианизация славянства произошла на пять столетий позже. Второе стадиальное наложение связано с татаро-монгольским нашествием. Русский лик «потемнел», но принципиального разрыва все же не произошло, так как, несмотря на несторианскую верхушку, в целом, так называемые «татаро-моногалы» принадлежали явно к доосевому типу культуры.

Исключительным по важности моментом русской, а затем и мировой истории, явилось начало третьего «наложения времен», то есть начало западно-европейской культурной экспансии. Общеизвестным решающим временем здесь явилось царствование Петра Великого. Именно с этой эпохи начинаются принципиальные разрывы в русском сознании и русской истории.

Русская культура внутренне раскололась, и это не могло не привести к катастрофическим последствиям. Русская история XX века – не что иное, как закономерное «завершение» крайне болезненного процесса насильственной европеизации, который с самого начала приобрел малоестественный, слишком противоречивый, деструктивно-централизованный характер. При этом нельзя, конечно, забывать, что ни с чем не сравнимый взлет русской культуры в XIX-м и начале XX века, обязан той же «европеизации».

Следует подчеркнуть, что, говоря о процессе «европеизации», я имею в виду импорт культуры уже «послеосевой» Западной Европы со всеми ее специфическими особенностями. Несомненно, что достаточно тесное взаимодействие России с западно-европейской культурой существовало еще со времен Киевской Руси. Татаро-монгольским нашествием оно было приостановлено, и тем интенсивнее и противоречивее было его возобновление, когда западно-европейская культура находилась уже в состоянии «послеосевого кипения» и переходила к стадии «цивилизации» (пользуясь терминологией Шпенглера). Вероятно, если бы не татаро-монголы, приведшие к временной, но ощутимой изоляции России от Европы, это взаимодействие приобрело бы более «пластичный» характер и не стало бы таким катастрофическим по последствиям.

Показательным для специфики указанного «наложения» является своеобразная судьба марксизма. Являясь чисто европейской эволюционной теорией с явным эсхатологическим и сотериологическим моментом, бессознательно (или почти бессознательно) почерпнутым из библейско-христианской традиции, марксизм на «собственной» западно-европейской почве не сыграл той роли, на которую претендовал. Здесь сработал тот же самый механизм, который в свое время «вытолкнул» монотеистическую идею из египетской традиции, а иудео-христианскую – из традиции синопольной. Парадоксальным образом мощные идеологические системы начинают свою «сильную» историческую жизнь вовсе не на той, почве, на которой они произросли. Так же произошло и с марксизмом. Он был воспринят с подлинно религиозным пафосом отнюдь не Западной Европе, а в России, а затем в еще более «архаических» культурах на Востоке. Причем, что закономерно, он был сильно мифологизирован. В России он приобрел статус государственной идеологии, вытеснив резко и решительно тысячелетнюю христианскую культуру. На Западе все это не могло произойти как в социальном, так и в культурно-религиозном смысле. В социальном плане здесь сыграл выработанный механизм саморегуляции и самосохранения зрелого капитализма, и именно в тех странах, которые Маркс указывал как на наиболее «готовые» к революции в силу развитости капитализма (в первую очередь Англия, затем Франция). «Практическая реализация» стала возможной, как известно, в «слабых звеньях» капитализма, то есть в тех культурах, в которых он не успел «пустить корни». В культурно-религиозном же отношении трудно себе представить отказ от христианской традиции в Западной Европе именно потому, что христианство там было сильно «переработано». Диффузия христианской и варварской культур уже к эпохе Возрождения была настолько глубокой, что отказ от результата этой диффузии был бы равносителен отказу от всей культуры в целом, в том числе и от социальных культур, тесно связанных с европейским протестантизмом и рационализмом (М.Вебер).

В России же социальный отказ от православия (как и его «возвращение» в 90-х годах) стал возможным в силу относительной независимости архаического пласта и собственно христианского, сам факт чего был совершенно не очевиден, скажем, еще для XIX века, но стал несомненным, проявив себя со всей отчетливостью в XX-ом.

Вообще, весь трагизм российской истории, и особенно ее катастрофы XX столетия, могут быть поняты, вероятно, только с учетом всего комплекса стадиальных наложений, которые обрушились на Россию. Если революции (вернее мятежи) 1917 г. определялись в основном европейским влиянием, то сталинизм имеет сходство как с «восточной деспотией», память о которой сохранялась в российском «генотипе» со времен византийского влияния и татаро-монгольского нашествия, так и с «номенклатурным» наследием Петра, так и со стадиально преждевременной и потому насильственно экспортированной индустриально-урбанистической цивилизацией евро-американского типа, но без ее либеральных механизмов.

В конечном счете, весь облик современной цивилизации определяется центральным разрывом всемирной истории, лежащим в основе западноевропейской культуры. И если Америка есть «счастливое дитя» европейской экспансии (чего нельзя сказать о культурах, уничтоженных колонистами Нового света), то Россия - скорее ее жертва.

В качестве краткого заключения можно сказать следующее. "Диагноз", который можно было бы поставить в результате проведенного анализа, свидетельствует о фундаментальных структурных проблемах, что и

следовало ожидать.

Более или менее понятно, что антропологический парадокс, изначальная экзистенциальная драма человечества, или Лингвистическая катастрофа получает сейчас свое предельное выражение и может быть сформулирована как *фундаментальный конфликт Сознания и жизни*.

Понятно также, что экстремизм в поисках инструментария для гармонизации этого конфликта и всех частных его проявлений не допустим, да и не эффективен.

Хватит ли человеку ума и сил для преодоления создавшихся проблем? Остается надежда, что исключительность создавшейся ситуации удержит человечество от последнего смертельного шага. Но, даже если вдруг так случится и человечеству удастся выжить, глубинные онтологические диссонансы неизбежны.

Поэтому наиболее оптимистичный взгляд возможен, когда речь идет об индивидуальной экзистенции, которая всегда имеет возможность выбора и возможность (может быть кажущуюся) прямого самоконструирования.

Определенный скепсис же кажется оправданным при взгляде на человечество в целом, так как не понятно, способно ли оно в принципе выработать такой механизм саморегуляции, который, при сохранении жизни на Земле, сохранил бы свободу, человечность и человеческое достоинство.

Все дальнейшее должно пониматься с учетом существенной изоморфности "фило"- и "онтогенеза", то есть становления человеческих общностей и становления человеческой личности.

Предполагается, что ФБ "само по себе" (т.е. "без человека" и его ФС) представляет собой относительно гармонизированное "целое".

"Коллективное бессознательное" и "архетипы" в теории К.Г. Юнга с этой точки зрения уже являются следствием фундаментальной деформации.

Близкими к этому пониманию антропологической ситуации являются мысли, высказанные Давыдовым Ю.Н. в сб. Культура, природа, традиция // Традиция в истории культуры. М., 1978. С. 44-57.

Радикально и при этом логически безукоризненно понятие антропологического абсурда дано у Камю. См.: Camus A. Le mythe de Sisyphe. Essai sur l'absurde. P., 1942.

В этом контексте Эрос и Танатос позднего Фрейда парадоксальным образом оказываются функционально эквивалентными.

Камю описывает это как честное принятие абсурда, без иллюзорной попытки уйти от него путем (по его терминологии) экзистенциального трансцендирования. См.: Camus A. Op. cit.

Понятие "историческая культура" здесь употребляется примерно в том смысле, в котором оно фигурирует у Данилевского, Шпенглера, Тойнби, Яспера.

К.Ясперс «Истоки истории и ее цель»

Леви-Строс «Структурная антропология»

Ф.Б. Кейпер недаром ставит эпиграфом к одной из своих работ строчку из Вергилия: *numero deus impari gaudet Verg. Ecl.8.76.* «угодно нечетное богу» (Вергилий. Буколики. Эклога VIII. Пер. С. Шервинского. См. Ф.Б.Кейпер Труды по ведийской мифологии. Стр. Практически для всех не только архаических, но и "послеосевых" традиций философствования и богословия характерно следующее отождествление: $0 = ? = 1 = 3$.

В Ветхом завете миф переструктурируется, перестает быть строго циклическим образованием, леви-строссовской "машиной для уничтожения времени", и становится историческим по существу. Разворачивается линейная временная перспектива. Но это происходит в результате инверсии в структуре времени (здесь я полемицирую с М Бахтиным, который считал миф о потерянном рае производным от мифа о светлом будущем). "Золотой век" ("потерянный рай") оказывается не только в некоем абсолютном прошлом, но становится фактом абсолютного будущего. История обретает экзистенциально значимую цель. Фундаментальная ностальгия обретает форму фундаментальной надежды. Следовательно, цикличность преодолевается не вполне.

Интересная параллель здесь возникает с гипотезой "пренатального" смысла космогонии у Ф.Б.Я. Кейпера (Кейпер Ф.Б.Я. Космогония и зачатие: к постановке вопроса // Кейпер Ф.Б.Я. Труды по ведийской мифологии. М., 1986. С. 112-146.

Элиаде М. Космос и история. М., 1987

Здесь в том смысле, в котором это понятие используется Элиаде.

См. об этом, в частности у Элиаде (ук.соч.; сс. 99-106), или у Н.Бердяева в «Смысле истории».

Прямо противоположной той инверсии, о которой говорил М.М.Бахтин.

См. Э.Церен, «Библейские холмы», М.;1986г., сс. 401-408.

Насколько я знаю, это наиболее распространенная интерпретация возникновения иудаизма.

Возможны другие, более «слабые» наложения, например развитого «доосевого» типа на более примитивное сознание, или взаимодействие «осевых» культур.

См. раздел "Новые аспекты изучения "Охоты на ведьм"" в реферативном сборнике ИНИОН "Культура и общество в средние века: методология и методика зарубежных исследований" (М., 1982) См. также: Брюсов В. Огненный ангел // Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т, М., 1974. Т. 4.

Постренессансное католичество и протестантизм в новоевропейской культуре явились прямым следствием «второго осевого времени», по существу, совершенно новыми религиями спасения, специфичными именно для данной культуры.

Таким образом, взаимодействие "народной" культуры и культуры христианской приобретает несколько иной, гораздо более конфликтный и при этом более диффузный характер, чем это представлено в работах М.Бахтина, А.Я. Гуревича, а, также, судя по всему, и школы "Анналов" (М.Блок, Дюби, Ле Гофф и др.)

Речь идет о роли и соотношении мысленного и реального эксперимента в послегалилеевской науке.

Поэтому, вероятно, в России был немислим институт инквизиции и руководимая церковью «охота на ведьм».

См. : Протоиерей Шмеман, «Исторический путь православия»..

См., в частности В.О.Ключевский «Западное влияние в России после Петра» в кн. Неопубликованные произведения, М. Наука. 1983.

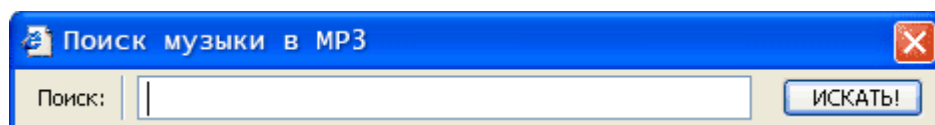
Петр Великий сделал все возможное, чтобы парламентские традиции и европейское свободомыслие не проникли в ткань российской государственности. Более того, именно он создал тот механизм, который со времен его царствования и до сих довлеет над всей несчастной исторической судьбой России. Речь идет о «табели о рангах», по существу послужившей основой номенклатурной власти, в XX веке созданной сталинизмом, а в XXI-ом подхваченной путинской системой власти.

Интересно, что Шпенглер (во 2-м томе «Untergang des Abendlandes») назвал эту ситуацию насильственной европеизации «русской псевдоморфозой», сопоставляя ее с «псевдоморфозами» в других культурах. Концепция «псевдоморфоз», является прямым аналогом нашей идеи о стадийных наложениях культур, но в отличие от Шпенглера, я считаю эти процессы неизбежными, и если так можно сказать, «естественными» для всемирной истории.

На самом деле тоже «послеосевых», но по типу отличающихся от новоевропейского варианта радикальным образом..

То есть цивилизацией Второй волны по Тоффлеру.

Темы: [лингвистическая катастрофа](#) [\[Редактировать\]](#)

[На главную](#) | [Новые книги](#) | [Каталоги: Именной Хронологический Авторы](#) | [Форум](#) | [Ссылки](#) | [Связь](#) | [Site Map](#)

РЕЙТИНГ 20647523
mail.ru 7039
2016

Allbest.ru
ИЗБРАН *****

1854

[sitemap:](#)

Все права на книги принадлежат их [авторам](#). Если Вы автор той или иной книги и не желаете, чтобы книга была опубликована на этом сайте, [сообщите нам](#).